

На правах рукописи

ШАРКО Марина Владимировна

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ ЯПОНИИ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Специальность: 23.00.02 – политические институты,
этнополитическая конфликтология, национальные
и политические процессы и технологии
(политические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва
2004

Работа выполнена на кафедре философии, политологии и культуры
Дипломатической академии МИД России

Научный руководитель:

Долгов Константин Михайлович
заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук,

Официальные оппоненты:

Черевко Кирилл Евгеньевич
доктор исторических наук

Василенко Ирина Алексеевна
доктор политических наук

Ведущая организация:

Институт Дальнего Востока РАН

Защита состоится: « 16 » декабря 2004 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 209 001.01 в Дипломатической академии МИД
России по адресу: Москва, Козловский пер., д. 4

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Дипломатической
Академии МИД России

Автореферат разослан « _____ » _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор политических наук
профессор

А.Г.Задохин

2005-4
16758

891834

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

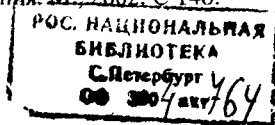
Постановка проблемы. XXI век – это век сближения и «новой волны» общения не только с Западом, но и с Востоком, например с Японией. В процессе взаимодействия западной и восточной цивилизаций углубляется взаимопонимание между различными странами и, в частности, Россией и Японией. В общем политическом пространстве важную роль играет распространение идеи единства человечества при всех различиях между государствами и стремления к цивилизованному сотрудничеству. Как отмечают авторитетные западные специалисты, например директор Вашингтонского Института Мировой Экономики Ф.Бергстен, что если в 70-е и 80-е годы проблемы развитых стран имели в основном «технично-экономическую природу», то теперь они сталкиваются «с гораздо более глубокими вызовами. Реакция общества на процессы глобализации, как на Западе, так и в развивающихся странах носит не только экономический характер, но также глубоко затрагивает сферу политики и социокультурных отношений»¹. Российский исследователь в области международных отношений Евразийского Востока и теории международного прогнозирования Ли Вл.Ф. полагает, что «в исторических пределах нынешнего циклическо-волнового развития (первая половина XXI в.) мировое сообщество и его правящие элиты располагают объективными предпосылками, чтобы нейтрализовать деструктивные вызовы глобализации и вступить на путь устойчивого сбалансированного развития, стратегические параметры которого разработаны ООН».²

Речь идет о глобальных процессах, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям в сфере принудительной идеологии глобализма, их ориентации и идентичности. В связи с этим внешняя политика национальных государств должна быть заново определена и обоснована в новой парадигме мышления. В перспективе условий многомерной глобальности есть необходимость поиска стратегии управления глобализацией. Различные аспекты, происходящей на наших глазах трансформации, по сути, всех сторон жизни современной цивилизации, ставят перед внешней политикой России новые сложные проблемы, но в то же время открывают перед российскими дипломатами новые возможности.

В диссертационной работе рассматриваются политические процессы Японии, в основе которых лежат интеллектуальные, религиозные и культурные традиции и современные проблемы страны. Исследуется мир политического Японии, его отличие от Запада, прогнозируется роль страны в мировой политике. Несмотря на успешное поступательное движение, Япония столкнулась с рядом проблем, затрагивающих практически все сферы жизнедеятельности об-

¹ Towards a Global Partnership for sustainable Development. Communication from the commission to the European Parliament, the council the social committee and the committee of the regions. Brussels. 2002. P.2.

² Ли Вл.Ф. Теория международного прогнозирования. М. 2002. С.146.

щества. Глубинные причины современных политических проблем Японии связаны единым непрерывным процессом прошлого, настоящего и будущего. Политическое бытие неразрывно слилось с другими аспектами человеческого существования. Политика как важнейшая сфера человеческой деятельности основывается на философии, свойственной восточным обществам. Базисные и структурные основы современной политики были заложены в ранний период развития японской цивилизации. Поэтому политические процессы Японии мы рассматриваем на основе интеллектуальных и религиозных особенностей раннего японского государства с учетом современных проблем. Исследование трех сфер: политической, интеллектуальной и религиозной – в едином политическом пространстве ранней Японии позволяет глубже понимать современные политические процессы, как в Японии, так и в других регионах современного мира.

Обращение к политическим ценностям и культурным традициям прошлого стало одной из характерных черт общественно-политической и духовной жизни многих стран. По существу, во всех сферах наблюдается стремление восстановить утраченную связь поколений, вновь обрести твердую почву историко-культурной преемственности. Российская дипломатия не является в этом смысле исключением. Более того, углубленное изучение и переосмысление историко-культурного наследия приобрели практическое, прикладное значение, сыграв важную роль в формировании концептуальных основ современной внешней политики России. Это естественное и закономерное явление. Еще в начале 90-х годов, на этапе сложных внутренних преобразований и кардинальных перемен на международной арене, российскому государству пришлось во многом заново определять свои внешне-политические задачи и приоритеты. Разумеется, все это делалось с учетом историко-политического опыта российской дипломатии, её многовековых связей и политических традиций международного общения. Проблема сохранения культурно-исторической преемственности пока не решена. А Япония, как ни одна страна в мире, известная своим трепетным отношением к древним традициям, могла бы послужить в этом отношении некоторым примером, образцом, возможно, даже некоей культурной или политической моделью. Хотя мы понимаем, что до тех пор, пока существуют соперничающие мировоззрения и системы ценностей, ни одно государство не может навязать свой уникальный опыт другим.

В современном мире сложилось мнение о внезапной и удивительной «модернизации» Японии. Теория и практика модернизации предполагает более глубокое исследование политических процессов раннего периода истории Японии и их воздействие на современную политику. При рассмотрении модернизационной проблематики необходимо выявить причины того, почему японская цивилизация столь сильно отличается от западной. Видимо, причины этого феномена содержатся в тех истоках, в которых формировались политические традиции, передающиеся от поколения к поколению и оказывающие влияние на современные политические процессы страны. Так, некоторые японские политические деятели, как, например, бывший премьер-министр Ясухиро Нака-

сонз³, а также глава МИДа Японии Иорико Кавагути полагают, что в «основе нынешнего процветания Японии» лежит историческая преемственность поколений. Невидимая интеллектуальная и духовно-нравственная связь современников с предками позволяет наследникам традиции сохранять свою самобытность. Вот почему мы остановили свой выбор на проблематике развития политических процессов Японии на основе традиций и современности. В связи с чем ставится проблема развития политического процесса на основе интеллектуальных и религиозных особенностей раннего японского государства и современной Японии, поскольку основной концепт политики коренится в японском сознании, японской религии и японском отношении к миру.

Актуальность темы. Главное требование формирования внешней политики России в отношении Японии – это глубокое знание и понимание полигических процессов, протекающих в этой стране. Сегодня оба государства, Россия и Япония, решают сходную проблему – самоидентификации и определения своего места в мире, адаптируя свою внешнюю политику к трансформации современных мировых процессов. Поэтому понятие политики Японии как процесса весьма актуально и важно. Комплексное политологическое исследование проблем и перспектив политического процесса этой страны и учет их влияния на мировые процессы обеспечат в какой-то мере выход на качественно новые взаимоотношения России и Японии.

Многовековой опыт российской дипломатии свидетельствует о том, что наша страна не могла себе позволить ни при каких обстоятельствах проводить пассивную или изоляционно-историческую внешнюю политику. Напротив, национальные интересы России постоянно заставляли её играть активную, а на определенных этапах – основополагающую роль в международных делах. В настоящее время это особенно важно, поскольку, когда Россия активно интегрируется в мировое сообщество. Известный российский ученый в области международных отношений Бажанов Е.П. подчеркивает перспективность российско-японского сотрудничества: «Позитивный настрой россиян, безусловно, является надежной основой для осуществления нашим правительством политики добрососедства в отношении Японии. В этом же направлении Москву подталкивают и конкретные государственные интересы. Важность Японии для России определяется еще и тем, что российские руководящие политические и экономические круги активно выступают за движение мира к многополюсности»⁴.

В новой системе международных отношений исходным и наиболее важным моментом становятся политика, знание и культура. Для нас Япония представляет особый интерес. Без серьезного изучения японской политики, культуры, религии, мифологии, истории, философии, литературы, нельзя выработать правильную политику по отношению к такому государству, как Япония. Кроме

³ Большой энциклопедический словарь по истории Японии. Нихон рэкиси дайджитэн. Т.3. Токио, 2001. С.153.

⁴ Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в трех томах. Т.3. М., 2002. С.235-236.

того подобное изучение могло бы подготовить молодых политиков и дипломатов к работе в новой парадигме осмысления глобальных тенденций и адекватного управления глобализацией, помочь им в преодолении конкретных затруднений, возникающих в ходе текущей практики.

Российская дипломатия в состоянии вносить существенный, конструктивный вклад в дело формирования новой системы международных отношений, призванной в максимальной степени использовать преимущества глобализации в интересах всего человечества при сведении к минимуму её отрицательных последствий.

Россия стремится к тому, чтобы её интеграция в систему международных связей проходила в условиях, отвечающих национальным интересам страны, и способствовала внутреннему динамическому развитию. Это делает российскую дипломатию заинтересованной в разработке стратегии управления глобализацией, построенной на равноправном партнерстве всех народов и государств. Суть российского подхода к выработке стратегии управления глобализацией определил Президент РФ Путин В.В.: «На рубеже веков человечество нуждается в серьезном осмыслении мощных глобальных тенденций, проявляющихся в экономике, сфере культуры и информации. Будущее за теми, кто научится управлять этими процессами. заставит их работать на благо людей. Мы должны позаботиться о том, чтобы глобализация стала социально ориентированной, чтобы народы мира в равной мере могли пользоваться плодами научно-технического и интеллектуального прогресса»⁵.

Мнение большинства членов международного сообщества о глобализации выразил Генеральный секретарь ООН К.Аннан: «Вызов, стоящий перед нами, ясен: если мы хотим воспользоваться благами глобализации, одновременно ограничив её негативные последствия, мы должны научиться лучше управлять и должны научиться лучше управлять совместно».⁶

Утверждение справедливо, так как именно ООН, обладающая реальным морально-политическим статусом, призвана сыграть роль главного политического центра человечества в ходе выработки международной стратегии управления глобализацией.

Возрастающая роль внешней политики России на мировой арене предъявляет новые требования к дипломату. В условиях глобализации в поле зрения многосторонней дипломатии попадают все новые направления сотрудничества: в политике, культуре, науке, социальной сфере, экономике. Поэтому современные исследования в научно-прогностической и аналитической областях политических процессов раннего японского государства с выходом на тенденции современного мирового процесса в развитии человечества как единой многоосложной целостности со всё возрастающей скоростью смены эпицентров мировых цивилизаций вносят весомый вклад в разработку актуальных проблем

⁵ Цит. по: МЭ и МО. 2001. №12. С. 55-56.

⁶ Annan K. We, the Peoples. The Role of the United Nations in the 21-st Century. N.Y., UN, 2000. P.51.

российской внешней политики. Говоря о тенденциях международных отношений XXI в. российский политолог Бажанов Е. П. полагает: «Кроме США, России и Китая, есть и другие претенденты на великодержавную роль. Среди них – Япония. Она, правда, остается под защитой американского ядерного «зонтика». У Токио нет собственного ракетно-ядерного потенциала и вряд ли мировое сообщество позволит им обзавестись, если даже подобные амбиции когда-то возникнут у японцев. Япония имеет и другие «слабые» места в качестве претендента на «сверхдержавный» статус. Важно и то, что, потерпев во второй мировой войне поражение и согласившись на американское военнополитическое покровительство, Япония сумела оставаться в стороне от многих баталий «холодной войны», установила и сохраняет нормальные отношения со многими странами. В целом есть основание полагать, что экономические и научно-технические достижения в конце концов выведут Японию в число самостоятельных центров силы на международной арене»⁷.

Для внешнеполитического курса Японии характерен поиск новых форм сотрудничества. Комплексное политологическое исследование политических процессов Японии актуально, необходимо и весьма важно сегодня. Выходя за рамки старой парадигмы дихотомии глобализации и национально-культурной обособленности стран мира и распространенного противопоставления традиционности и современности, Востока и Запада, а также «нас» и «их», дипломатия нового поколения открывает богатые духовные ресурсы мирового сообщества и осознает современные политические сложности, связанные с условиями жизни людей. Следует иметь в виду, что политические, культурные, интеллектуальные и религиозные традиции, внесшие уже значительный вклад в мировую культуру, содержат глубокий смысл и формируют жизнь многих людей, были и остаются источниками мудрости для будущих поколений.

Объект исследования. Основополагающими объектами политологического исследования являются государство, политическая власть и властные взаимоотношения политики и общества, составляющие осевой стержень мира политических процессов Японии.

Предмет исследования. Предметом исследования являются политические процессы Японии, в основе которых лежат интеллектуальные, религиозные и культурные традиции и их воздействие на современную политику Японии: идейно-теоретические и философские основы политики как процесса; политическая культура, природа, сущность и генезис политического. В работе рассматривается ряд политических концепций, символов, фигур и подходов, но прежде всего предпринята попытка увидеть их, как взаимозависимые части различных проблем и аргументов, доминировавших в политической интеллектуальной и религиозной жизни раннего японского общества в свете проблем современной Японии. Политический опыт Японии накапливался от века к веку, постепенно приобретая современное содержание. Базисные и структурные основы, опреде-

⁷ Бажанов Е.П., Асфари Д.А. О тенденциях международных отношений на пороге XXI столетия / Дипломатическая академия МИД России. М., 1999. С.15-16.

ляющие современную политику Японии были заложены в ранний период её цивилизации.

Серьезное отношение к предмету исследования объясняется необходимостью более глубокого и всестороннего понимания политических структур и политических процессов современной Японии. Анализ нацелен на рациональное проникновение в суть политических процессов и выявление причин, условий, тенденций развития событий, происходящих в современной Японии и оказывающих влияние на развитие отношений России и Японии, между которыми до сих пор не заключен мирный договор.

Все попытки политиков, дипломатов и других работников международной сферы понять современную Японию без учета её прошлого обречены лишь на фиксацию внешних черт явлений и не дают необходимой и достаточной глубины проникновения в суть происходящих международных процессов. Мы полагаем, что только изучение оснований, мотивов, интересов, намерений, действий различных политических, религиозных и культурных сил и общественных групп, адекватная оценка значимости различных политических феноменов, определение обоснованности тех или иных точек зрения, концепций и идей обеспечат выход на качественно новые взаимоотношения России и Японии в будущем.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить реальный вклад в поиск новых форм международного сотрудничества по формированию внешней политики России в отношении Японии, обогащающий практику современных международных отношений; дать комплексный анализ специфики политических процессов Японии, определяющихся интеллектуальными, религиозными и культурными традициями и современными методами решения проблем общества, исследовать их основные закономерности и тенденции развития, чтобы прогнозировать роль Японии в мировой политике.

Задачи исследования:

- Определение генезиса политического в ранней японской цивилизации.
- Анализ процесса возникновения и формирования концептуальной модели политики на основе интеллектуальных и религиозных особенностей японского государства.
- Рассмотрение воздействия китайской письменности и Великих Реформ Тайка на основные измерения политического пространства.
- Определение роли буддизма в формировании политического мира Японии и его места в современном мировом политическом процессе.
- Формирование культуры дипломатических отношений японских, китайских и корейских этносов.

Научная новизна работы определяется выбором предмета исследования, теоретико-методологической основой, её новаторством и перспективностью, учитывающую современные тенденции все большего сближения гуманитарных наук с естественными науками и их методами дешифровки. Автор впервые исследует концептуальное содержание политического процесса Япо-

нии на основе взаимодействия политической, интеллектуальной и религиозной сфер, связанных непрерывным процессом прошлого, настоящего и будущего. В диссертационной работе впервые раскрывается междисциплинарная методология политических исследований, учитывающая современную тенденцию сближения гуманитарных наук с естественными науками и их методами дешифровки и японскую традицию гармонического слияния и гибридизации разделенных элементов и сфер. Новизна исследования обусловлена и самой постановкой проблемы, на наш взгляд, недостаточно разработанной в политологии.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования состоит прежде всего в том, что полученные результаты и выводы являются определенным приращением информации и теоретического знания о своеобразии и специфичности мира политического Японии, и его отличие от Запада, о преемственной связи политических, религиозных и культурных традиций и современности, о роли страны в мировой политике, а также знания в сфере политических проблем современных интеграционных процессов. Эти выводы и знания могут быть использованы в научно-практическом обеспечении внешней политики Российской Федерации в поиске новых решений в системе международных отношений XXI века.

Основные положения и выводы диссертации могут также найти использование в содержании учебных курсов по политологии, страноведению, религиоведению, культурологии; стать одной из предпосылок для научных и практических дискуссий в исследовательских работах.

Теоретико-методологическая основа исследования. В качестве теоретико-методологической основы нашего исследования политических процессов японской цивилизации использована концепция цикличной динамики мировых и восточных цивилизаций, предложенная Данилевским Н.Я. о культурно-исторических типах локальных цивилизаций, имеющих схожие фазы в развитии; теоретические работы о суперциклах Кондратьева Н.Д.; работ Сорокина П., Гумилева Л.Н., Ясперса К., Тойнби А., представленные в трудах Яковца Ю.В. и ведущих российских ученых Бажанова Е.П., Бурсова А.В., Долгова К.М., Задохина А.Г., Ли Вл.Ф., Смирнова Г.Н., Шутова А.Д. и других. Теория цикличности исторического процесса как пульсаций мировых цивилизаций со сменой эпицентров позволяет обнаружить общие закономерности и тенденции в политическом развитии Японской цивилизации, выявить генезис политического, понять природу и сущность политики как процесса и её роль в раннем государстве, вскрыв исторические корни современных политических перемен; предвидеть изменения процессов в едином движении мировой цивилизации как целостного организма. Япония, следуя китайской политической традиции, в которой заложена теория о 60-летних циклах, выбрала дату основания государства 660 г. до н.э.

В плане теоретического и методологического подхода к изучению Востока мы придерживаемся научных позиций русского востоковеда Бартольда В., который полагал, что к Востоку и к Европе в процессе изучения применим

один и тот же научный метод сравнительного анализа Динамика политических процессов, причины подъема и кризиса объясняются сближением с другими народами или отчуждением от них. В цепи международных взаимодействий Востока и Запада нет промежутка. Специфичность подхода к изучению Востока, по мысли Бартольда В., состоит в том, что нельзя отдельно изучать только религию Востока, необходим учет других сфер взаимодействий. Такого же взгляда придерживается японский ученый Дж.М.Китагава. Японская традиция, следуя китайской политической традиции, отказывается так же разделять сферы взаимодействия: религиозную, политическую и интеллектуальную

В диссертационной работе использованы как традиционные, так и новаторские методы политологического исследования: компаративистский, контент-анализ, исторический; формально-логические методы – индукция, дедукция, традукция, аналогия, моделирование; содержательно-логические методы – анализ, синтез, гипотеза; диахроническое сканирование; структурный подход.

Компаративистский метод или сравнение, составляющее необходимый компонент человеческого мышления, представляет собой, согласно Габриэлю Алмонду, «методологическое ядро научного исследования политики».⁸ Компаративный анализ помогает раскрыть «механизм действия политических процессов и осуществления политических изменений».⁹ В диссертационной работе мы сравниваем политический опыт ранней и современной Японии. Политические доминанты, сформированные в ранней Японии и передающиеся из поколения в поколение, не потерялись в динамичной жизни современной Японии, а продолжают оказывать влияние на политическую жизнь страны.

Контент-анализ как метод изучения политических документов, литературных и религиозных текстов японских первоисточников позволяет учесть разные подходы к текстуальному материалу, разработанные современными и зарубежными учеными по исследованию истории государства Японии.

Ретроспективный взгляд в мир политического предопределяет превалирование исторического метода. На основе исторического метода, установив законы политического развития общества или отдельных политических явлений, можно предсказать развитие их в будущем, а значит и научно управлять развитием политических процессов.

Экспериментирование с новыми и традиционными методиками изучения текстов было подкреплено убеждением, никогда нельзя терять из вида сами тексты в многообразных политических аспектах. Все тексты и политические идеи, в них содержащиеся, рассматривались в контексте интеллектуальных и религиозных особенностей и их воздействие на политику.

Диахроническое сканирование, предложенное Мишелем Фуко, как метод последовательного и непрерывного обследования всех точек политического

⁸ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / Сокр. пер. с англ. А.С.Богдановского, Л.А.Галкиной; Под ред. М.В.Ильина, А.Ю.Мельвиля. М., 2002. С.70.

⁹ Там же. С.70.

пространства для обнаружения плоскостей взаимных пересечений интеллектуальных и религиозных контекстов, использовалось в работе в целях получения цельной политической картины происходящих изменений. Столкнувшись при этом с необходимостью нового взгляда на проблему периодизации японской истории, мы предложили в качестве творческого решения проблемы так называемый «Дискурсивный маршрут исследования интеллектуальных и религиозных особенностей раннего японского государства», выбрав такие точки отсчета, как введение китайской письменности и введение буддизма, зафиксировав важные плоскости их пересечения.

В диссертации был использован структурный подход, предложенный Клодом Леви-Стросом как метод исследования первобытных обществ, а также подход Виктора Тёрнера с его понятиями о структуре и антиструктуре, в котором заключен большой потенциал, помогающий понять сложные отношения между буддийской мыслью, литературными текстами и социально-политическими аспектами исторического развития общества. Структурный подход как метод исследования с точки зрения его знаковости и четко выделенных элементов в определении ключевых моментов политической жизни общества дал возможность согласовать три основных привнесенных фактора, таких как китайская письменность, китайская модель управления государством и буддизм, оказавших определяющее влияние на политику Японии.

Таким образом, синхронный охват диахроническим сканированием и структурный подход взаимно дополнили друг друга.

Методологическая культура проведения научного политологического исследования требует учета современной тенденции все большего сближения гуманитарных наук с новыми методами дешифровки, взятыми из точных наук, таких как физика и математика: методы аналогий, моделей, графического и схематического изображений в виде блок-схем, графиков различного рода зависимостей процессов, происходивших в политическом пространстве Японии. Учитывался и обратный процесс взаимодействия точных наук с гуманитарными в поисках новой формы причинно-следственной связи рассматриваемых явлений. Исследования в области политики, интеллектуальной и религиозной сфере в силу определения многоаспектности предмета изучения обнаруживают тенденции к взаимодействию.

Выбор метода связан с японской концепцией мира как своеобразного способа исследования политических проблем, в которых отражаются обстоятельства локального и исторического характера. Нам представляется правильным предположение о том, что ранний и средневековый период Японии лучше всего рассматривать в рамках тесной взаимосвязи интеллектуального и религиозного измерений человеческого опыта, и их взаимодействие с политикой. Некоторые ученые подвергают сомнению такую точку зрения, настаивая на том, что религия, политика и интеллектуальная сфера занимают отдельные территории, имея принципиально разные предметы приложения и различные методы постижения. Мы полагаем, что в средневековой Японии существовало, по крайней мере, два взгляда на мир. Один взгляд – буддийское космологическое миро-

воззрение не только как чисто религиозное, но и как учение об общих закономерностях, охватывающих астрономически наблюдаемую Вселенную и весь социум с его обширным полем. Другой взгляд – диалектический – как метод познания явлений действительности в их развитии и самодвижении. Научные дискуссии, посвященные этим мировоззрениям, вышли за пределы монастырских стен, оставив глубокий след в политике. Другими словами, буддизм Махаяны в Японии стал богатым источником политических идей.

Знание исторических форм преемственности и генетической связи развития физических теорий и философских идей, может послужить, по всей видимости, аргументом в пользу того, что междисциплинарные исследования философии, политологии и культуры фокусируют подобные академические переносы из одной сферы в другую и ни в коей мере не нарушают неизбежность базисного разделения сфер. А дисперсионный разброс необходимого слияния междисциплинарных исследований находится в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга о невозможности одновременного, точного измерения двух канонически сопряженных величин в рамках неразделенных сфер. Всегда остается определенная степень вероятности мысленного эксперимента.

Погрешность мыслительного эксперимента согласуется и с принципом дополнительности Н.Бора, который предусматривает анализ и описание внутренне противоречивого явления в двух эквивалентных аспектах с последующим их внешним соположением, в перспективе раскрывающим вероятность разрешения антиномий.

Таким образом, теория и принципы естественных наук, использующие самые точные методы дешифровки, являются объективным критерием научности исследований и в гуманитарных науках. Правда, следует иметь в виду и появление новых парадигм, которые могут нести груз традиции в других культурах. В японской истории культуры, например, существует традиция отказа от раздвоения элементов, представляющихся легко разделяемыми, на чем настаивает японский культуролог Джозеф М. Китагава.¹⁰ А западно-европейский знаток японской культуры Стефэн Тулмин предлагает применить особенности такого концептуального подхода в качестве метода исследований особенностей китайской научной истории. Поскольку Япония на раннем этапе своего развития многое заимствовала из китайской культуры, исследование интеллектуальных и культурных особенностей японской цивилизации методом междисциплинарного анализа представляет немалый интерес.

Источниковая основа работы. В исследовательской работе использовалась необходимая литература, которую можно разделить на три основные группы. Это тексты первоисточников ранней Японии и некоторых письменных памятников; труды по японской политике, истории, культуре, религии и мифологии известных российских и зарубежных ученых, художественные произведения японских писателей ранней и современной Японии.

¹⁰ Josef M. Kitagawa, Religion in Japanese History. P.19.

I. Тексты первоисточников и письменные памятники Японии:

1 Детальное внимание в нашей работе уделено тексту «Кодзики» 古事記, 712 г.¹¹ Это первый письменный источник Японии, дошедший до наших дней. Он по праву входит в сокровищницу интеллектуального достояния японской нации. Особенно тщательно мы рассмотрели ранние мифы и легенды, в которых содержатся истоки обычаев и привычек современного японского общества, невидимые нити нравственно-духовной связи современников с предками.

2. Фрагменты текстов из ранних китайских хроник (ханьских и вэйских первоисточников) содержащиеся в книге авторитетного зарубежного ученого G.B.Sansom Japan. A Short Cultural History.

3. Из важнейших буддийских текстов той эпохи мы рассмотрели «Сутру Лотоса» (по яп. Хоккэ-кэ 法華経) индийского происхождения в контексте её интеллектуальной и литературной ценности и её влияния на политику.

4. Был дан анализ китайского канона, состоявшего в основном из классических трудов Конфуция: «Книга ритуалов» («Ли дзин») и «Книга о сыновней почтительности» («Сяо цзин»), которая с конца VIII века входила в программу всех школ Японии.

5. Конфуцианство и буддизм в Японии были импортированными учениями. Сутры, буддийские и китайские трактаты стали базой для создания местными авторами разного рода произведений. Одним из таких местных авторов был неизвестный буддийский монах Кёкай 巨魁. Отдельные главы его книги «Нихон рёи-ки» 日本霊異記¹² мы включили в свою работу в качестве иллюстрации влияния буддийской литературы на интеллектуальную и политическую жизнь японцев на рубеже VIII – IX вв.

II. Труды по японской политике, истории, культуре, религии и мифологии российских и зарубежных ученых:

1. Мещерякова А.Н., Ермаковой Л.М., Григорьевой Т.П., Дьяконовой Е.М., Молодяковой Э.В., Игнатовича А.Н., Пинус Е.М., Мендрин В.М., Конрада Н.И., Бакшеева Е.С. Особое внимание было уделено работам Мещерякова А.Н. «Возвышение рода Фудзивара (Китайская образованность, политическая система и официальная идеология в Японии VII – VIII вв.)», и Игнатовича А.Н. рассматривавшего религиозные и философские аспекты Лотосовой Сутры. А в нашей работе мы рассматриваем «Сутру Лотоса» как богатейший источник метафор и притч, стимулирующих интеллектуальную и творческую деятельность поэтов и писателей хэйанского периода.

¹¹ Большой энциклопедический словарь по истории Японии. Нихон рёкиси дайджитэн. Т.2. Токио, 2001. С.117.

¹² Нихон рёи-ки. Нихон котэн бунгаку тайкэй Т.62. Токио, 1967

2 При анализе влияния религии на политические процессы современной Японии мы опирались на идеи Ермаковой Л.М., представленные в её работе «Ритуальные тексты нового времени», в которой отражены тенденции возрастания ритуальных текстов синто нового времени, популярных не только в народе, но и в политической элите. Мы использовали также результаты работ исследователя эволюции партийно-политической системы современной Японии Цветовой И.А., подчеркивающую роль конфессионального фактора в политической жизни страны.

3. В оценке мира политического Японии и анализе глубинных причин современных проблем японского общества особенно полезны были комплексные исследования Стрельцова Д.В. «Система государственного управления Японией в послевоенный период» и работа Мочодяковой Э.В. «Стратегия развития Японии в XXI веке».

4. В параграфе «Концептуальная модель политики», где мы говорим о японском сознании и японском отношении к миру, мы опирались на работу Мендрин В.М. «История сёгуната в Японии» 日本外史 (в двух частях), как и на литературу самурайского периода вообще: «Буши-до» 武士道 («Душа Японии»), труд японского ученого Иназо Нитобэ (перевод А. Салмановой, 1905 г.), посвятившего свое произведение Токитоси Ота, научившего автора «уважать прошедшее и удивляться поступкам самураев»,¹³ а также книга зарубежного япониста Уильяма Скотта Уилсона «Идеалы самураев. Сочинения японских воинов», в которой собраны редкие и никогда не переводившиеся на русский язык памятники средневековой японской литературы XII – XVIII веков, «Наставлений потомкам».

5. Мы использовали идеи книги "The Karma of Words, Buddhism and the Literary Art in Medieval Japan" Lafleur William R., представляющей собой оригинальное исследование японской культуры на основе литературных и биографических примеров из жизни видных фигур религиозных и интеллектуальных деятелей Японии.

6. Подчеркивая важность учета исторического фона политических реалий, мы опирались в вопросах, касающихся зарождения и последующего развития японского этноса, на труды японских ученых: Сахара Макото,¹⁴ Кубо Тэцудзо, Ёсида Акира¹⁵ и других. В вопросах становления и формирования японской государственности мы обращались к трудам Кунимото Тэцуо,¹⁶ Ино-

¹³ Нитобэ Иназо. Буши -до. М., 1905. С.2.

¹⁴ Сахара Макото. Нихондзин но тандзё (Рождение японского народа) //Нихон но рэкиси. (История Японии). Т.1. Токио, 1987.

¹⁵ Кубо Тэцудзо, Ёсида Акира. Нихон гэнси кодай. (Япония: Первобытное общество-древность). Рэкиси гаку кэнкю. 1957, Ноябрь, №213 (1-7).

¹⁶ Кунимото Тэцуо. Кэнкоку дэнсэцу но хагтэн (Развитие преданий о построении государства) // Росия-собизто кэнкю. 1966. Вып.5. С.45-57.

уэ Мицусала,¹⁷ Наоки Кодзиро¹⁸ Накагава Осаму¹⁹ и других. При исследовании мифов, в которых отражены древнейшие японские представления о политике, мы обращались к комментариям Мотоори Норинага,²⁰ Цугита Дзюн²¹ Мацумара Такэо, Цукамото Тэцудзо²² и других.

7. При исследовании взаимосвязи политики и общества, требующих анализа теоретико-методологической основы политики, мы опирались на труды западных политологов: С. Хантингтона, Г. Алмонда, М. Вебера, П. Дарендорфа, Д. Истона, П. Доуза, Ч. Мэрриам, Дж. Мангейма, а также на труды японских политологов: Хидэо Сато, Такаси Оногути, Кэйдзи Маэзавы, Асаи Мотофуми,²³ Ханаи Хитоси,²⁴ Банно Дзюндзи²⁵ и известного политика Ясухиро Накасонэ и других.

8. Естественно, в диссертационной работе были использованы и труды ведущих современных российских исследователей в области международных отношений и политического прогнозирования Бажанова Е.П., Бурсова А.В., Василенко И.А., Долгова К.М., Задохина А.Г., Крупянко М.И., Ли Вл.Ф., Смирнова Г.Н., Шутова А.Д., Черевко К.Е.

III. Художественная литература японских писателей ранней и современной Японии:

1. Из японской прозы X – XI веков мы использовали «Дневник»²⁶ Мурасаки Сикибу, автора знаменитой «Повести о Гэндзи» в переводе Мешерякова А.М., для иллюстрации жизни того общества, которое она представляла.

¹⁷ Иноуэ Мицусала. Нихон фурукокка но кэнкю (Исследование древнего японского государства). Токио, 1969.

¹⁸ Наоки Кодзиро. Нихон кодай но сидзоку го тэнно. (Род и Император в древней Японии). Токио, 1964.

¹⁹ Накагава Осаму. Гэнмэй тайсэй но кайсэй. (Становление политического управления). Кокусигаку. (Журнал национальной истории). Токио, 1972 №78

²⁰ Мотоори Норинага. Тамакадзума. (Корзина драгоценностей: заметки по разным вопросам). Токио, 1914.

²¹ Цугита Дзюн. Кодзики (дзэнхэн) (Кодзики первая книга) // Куни то коку бунгаку кодза. Токио, 1935. Т.1.

²² Цукамото Тэцудзо. Кодзики-фудоки (Кодзики // Фудоки). Токио, 1922

²³ Асаи Мотофуми. Нихон гайко хансэй то тэнка. (Японская дипломатия, анализ и изменения). Токио, 1992.

²⁴ Ханаи Хитоси. Син гайко сэйсакурон (Новая концепция политики в сфере дипломатии). Токио, 1998.

²⁵ Банно Дзюндзи. Киндай нихон но гайко го сэйдзи (Дипломатия и политика Японии нового времени). Токио, 1985.

²⁶ Большой энциклопедический словарь по истории Японии. Нихон рэкиси дайджитэн. Т.3. Токио, 2001. С. 887.

2 Для иллюстрации невидимых духовных нитей, связывающих поколения, мы взяли роман Нобелевского лауреата Кэндзабуро Оэ «Игры современников» в переводе В. Гривнина – глубокое и ироничное повествование о судьбах современной японской молодежи

Степень изученности темы. В современной исследовательской литературе с позиции политологии вопросы изучения политики японского государства привлекли внимание российских ученых. Российские исследователи Молодякова Э.В., Стрельцов Д.В., Крупянко М.И., Цветова И.А., Еремин В.Н. и другие обращались к анализу проблем Японии, связанных со становлением нового мирового порядка в сфере внешней политики, обеспечения национальной безопасности, государственного управления, образования и культуры. Тенденции международных отношений, актуальность проблем российско-японских отношений, а также политическое прогнозирование представлены в трудах Бажанова Е.П., Бурсова А.В., Василенко И.А., Долгова К.М., Задохина А.Г., Ли Вл.Ф., Смирнова Г.Н., Шутова А.Д., Черевко К.Е.

Вместе с тем в российской научной литературе не было комплексного исследования политических процессов Японии, в основе которых лежат интеллектуальные, религиозные и культурные традиции, а также современные проблемы с выходом на тенденции мирового процесса.

Структура и основное содержание работы. Структура диссертации включает введение, четыре главы, заключение, приложение и список источников и литературы.

Во введении ставятся проблемы и обосновывается актуальность политического исследования, определяется предмет и задачи, теоретико-методологическая основа работы; определяется научная новизна и практическая значимость. В работе мы выбрали дискурсивный маршрут движения нашей мысли, фиксирующего основные этапы исследования. Мы рассмотрели два исходных исторических момента: введение китайской письменности в 405 году и введение буддизма VI в. Важны две даты, указанные в «Нихонсёки» 日本書紀²⁷: 552 г. – когда японцы впервые узнали о буддизме, когда в Японию вместе со статуей Будды и большим количеством сутр было доставлено послание от правителя Кореи (Пэкче), который советовал принять новую религию как превосходное учение, сложное в объяснении и понимании, но приносящее исполнение желаний, и 575 год – когда буддизм получил постоянную опору в государстве в лице представителя клана Сога. В споре о введении буддизма в Японии принимали участие три клана: Каматары – будущий род Фудзивары. Мононобэ и Сога.

В первом исходном моменте нашего исследования мы выделили дописьменный период интеллектуального развития общества, который начался с истоков, то есть с эпох Дзёмон 縄文時代 (8000 – 300 гг. до н.э.) и Яёи 弥生時代 (300 г. до н.э. – 300г), когда уже произошла глубокая интеллектуальная

²⁷ Нихон сёки Нихон котэн бунгаку тайкэй Т. 67,68 Токио, 1967.

трансформация архаичного японского общества, до 405 года – официальной даты введения китайской письменности после приезда в Японию из Кореи (Пэкче) Атики и Вани

Затем последовал длительный **инкубационный** период вплоть до 700 г., когда уже проявились ощутимые результаты введения письменности. Третий период (конец VIII в. – начало IX в.) **активного** распространения китайской письменности, который ознаменовался в IX в. созданием японской слоговой азбуки – манъёкана 万葉仮名, изобретение которой приписывается религиозному деятелю Кобо Дайси²⁸ (Кукай) (774 – 835 гг.)²⁹ – прототипа современной японской азбуки кана 仮名.

Второй исходный момент – начало **буддийской** эпохи (552 г., 575 г.), в которой можно выделить периоды **зарождения, становления, расцвета и заката**.

VI в. – конец VIII в. – **ранний буддийский период**, или время **зарождения** буддизма в Японии. **Ранний период** буддизма совпадает с **активным** этапом развития китайского письма.

Начало IX в. – конец XII в. – период **становления** и утверждения интеллектуальной гегемонии буддизма, который достиг апогея – своей наивысшей точки расцвета в конце позднего периода Хэйан³⁰ (795 – 1192 гг.). В начале данного периода буддизм не стал еще доминирующей интеллектуальной и религиозной доктриной в Японии. Это было время, когда буддийские идеи были еще новыми, неприемлемыми или непонятными большинству населения. Буддийские сутры считались магическими формулами, в которых заключено больше чудодейственной силы, чем в местных культах и символике, хотя по своей природе и те и другие были родственны. В этот период буддизм нуждался еще в пропаганде, агитации и защите. Только к концу этого периода (конец XII в.) ситуация значительно изменяется. И хотя еще велись споры о превосходстве той или иной школы буддизма, однако уже не было никакой необходимости защищать буддизм. Конец XII в. – **апогей расцвета**, точка наивысшего развития буддизма, когда он уже твердо завоевал свои позиции, глубоко проникнув во все слои населения.

В первой главе анализируется специфика политических процессов Японии, исследуется проблема места древней Японии на мировой арене с учетом генезиса политического, подчеркивается роль развития политических коммуникаций ранней Японии с Азиатским материком в формировании особенностей

²⁸ Большой энциклопедический словарь по истории Японии. Нихон рэкиси дай-зитэн. Т. 2. Токио, 2001. С. 861.

²⁹ Lafleur William R. "The Karma of Words, Buddhism and the Literary Art in Medieval Japan," 1983. P. 34–67.

³⁰ Большой энциклопедический словарь по истории Японии. Нихон рэкиси дай-зитэн. Т. 3. Токио, 2001. С. 626

культуры дипломатических отношений японского, китайского и корейского этносов и раскрываются первые представления японского общества о политике

Современная Япония избрала демократический путь развития. Демократия японского типа, пропитанная национальным колоритом, существенно отличается от западных моделей демократии своей продуктивностью и жизнестойкостью. Политический опыт Японии накапливался от века к веку, постепенно приобретая современное содержание. Базисные и структурные основы современной политики Японии были заложены в ранний период развития японской цивилизации на основе политических коммуникаций с Азиатским материком.

Политическая карта первых политических образований, состоящая из трех крупнейших империй: Римской, Парфянской и Ханьской – с III века нашей эры начинает существенно перекраиваться и на месте бывших империй, но уже в иных географических масштабах и при другом составе участников, движимых иными геополитическими интересами, появились другие государства, в том числе и Япония. Первое японское посольство прибыло в 57 г. н.э. в ханскую столицу Лоян, где японским дипломатам была вручена золотая печать.

Ядром генезиса политического было этническое целое, первоначально составленное из разных элементов. В последующие периоды происходит процесс постепенного оформления и укрепления этого этнического целого и преобразования его в некий государственный организм с определенной структурой государственного бытия. Уже ранние формы религии, проявляющиеся в погребальном обряде позднего Дзёмон (8000 – 300 г. до н.э.), свидетельствуют о стремлении человека понять и организовать окружающий мир, свое прошлое и будущее. В тот период возникает социальный порядок со всё более жесткими нормами. Уже в III веке до н.э. в Японии существовал некий политический механизм реализации общей воли и общего интереса. А процесс интеллектуальной трансформации раннего общества с самого начала нес на себе печать ярко выраженной индивидуальности японской цивилизации, когда в сознании этноса появляются зачатки мифических представлений о политике.

Собственная политическая традиция создавалась на основе коммуникаций с материком, которые письменно подтверждены китайскими хрониками с III в. до н.э., хотя более достоверные сведения о ранних политических коммуникациях появляются в начале христианской эры. В этот период начинает формироваться культура дипломатических отношений японского, корейского и китайского этносов.

Вновь создающемуся государству была необходима собственная политическая история, которая представлена официальными японскими хрониками «Кодзики» 古事記 («Записи о деяниях древности», 712 г.) и «Нихон сёки» 日本書紀 («Анналы Японии», 720 г.). «Кодзики» являются своего рода политическим документом, подтверждающим право Императора на обладание естественной и

законной властью. Это право на власть Императора нашло отражение в сознании японского народа и зафиксировано в современной Конституции Японии.

Во второй главе анализируется специфика современных политических процессов и рассматривается их концептуальное содержание на основе интеллектуальных и религиозных традиций и проблем современности, и выявляются их основные закономерности и тенденции развития.

Тенденции нынешнего и будущего поведения японской нации предопределены общественными установками относительно политики и их ролью в политической жизни общества. Политические процессы современной Японии во многом соответствуют так называемой патрон-клиентской модели, формирование которой происходило в ранний период становления кланового государства, когда господствовал неписанный закон клана, державшийся на двух столпах японского сознания (семейная, клановая сплоченность и покорность или смирение), на японской религии (синто, конфуцианство и буддизм) и японском отношении к миру, основой которого был ритуал как магическое средство манипулирования власти массовым сознанием, направляющим его в нужное для власти русло.

Процесс политического оформления страны Ямато в государство Япония в полном значении этого слова, как политической формы организации общества с правительством и его органами, осуществляющими управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры, занял не одно столетие и завершился к VIII веку. Официальное наименование страны Япония как «страны Восхода» было дано принцем Сётоку-тайси³¹ при отправлении первого официального посольства в Китай в 607 году, когда Япония ощутила себя самостоятельной политической единицей, жаждущей политического признания мировым сообществом.

Процесс становления молодого государства проходил под влиянием трех привнесенных факторов: введение китайской письменности (405 г.), китайской модели политического управления – Реформы Тайка (646 г.) и распространение буддизма (552 г., 575 г.). Все три динамических фактора находились в тесном взаимодействии друг с другом, взаимно усиливаясь, обогащаясь, переплетаясь в общих точках схождения, они целенаправленно включались в тактику и стратегию политического руководства государством. Постепенно создавшееся государство в процессе своего политического развития, которое повлекло за собой интеллектуальное и религиозное обновление общества, стало ареной политической активности новых субъектов политики в виде разных клановых групп. Конкретно за ними была еще сила их рода, но сам характер их деятельности существенно изменился. Это была уже политическая деятельность и полем этой деятельности было государство, а точкой приложения данной деятельности – политика, цель которой воздействие на общество и обладание политиче-

³¹ Большой энциклопедический словарь по истории Японии. Нихон рэнкиси дайджитэн. Т.2. Токио, 2001. С.538.

ской властью. И каждый новый период знаменует приход новых знатных элит во власти которых политическая судьба страны, религии, культуры, общества, а также постепенный отход в тень, оттеснение с политической арены самих императоров. Каждый новый период оказывал воздействие на будущие политические процессы.

Учет интеллектуальных и религиозных особенностей раннего государства и его политических отношений существенно расширяет масштабы мира политического и привносит новое в концептуальное содержание политического процесса. В свою очередь концептуальное содержание политического процесса зависит от умения и желания самих политиков и государственных деятелей увидеть те сферы жизнедеятельности государства, которые требуют их вмешательства. Политическая элита Японии VIII века демонстрирует высокую степень приспособляемости к изменившимся условиям пореформенного времени, почти каждое политическое событие было связано с соперничеством кланов. Политика, образование, культура, религия, законодательная деятельность, строительство городов, дорог, школ, храмов, общенациональной магическо-информационной сети буддизма – всё имело политическое значение для молодого, неокрепшего государства, всё было одинаково важным, всё было Политикой. Даже воспитание детей в ранней Японии было направлено на предотвращение возможностей будущих политических мятежей. Все дети, изучавшие китайские иероглифы, проникались конфуцианским духом о сыновней почтительности к своим родителям, к семье, к клану, к государству. Вот почему основной концепт японской политики коренится в особенностях японского сознания, японской религии и японского отношения к миру.

В третьей главе анализируется воздействие историко-политических факторов, формирующих политические процессы современной Японии, исследуется проблема взаимодействия политики и общества и рассматриваются процессы взаимного пересечения трех сфер единого политического пространства ранней Японии: политической, интеллектуальной и религиозной. В этом политическом пространстве исследуются процессы официального принятия китайской письменности и развитие образования, подчеркивается роль политического центра в образовательной инфраструктуре государства, анализируются первые политические документы: «Предписания» 17 статей Сётоку-тайси (604 г.), Реформы Тайха (646 г.)

Политические процессы современной Японии формируются под воздействием целого ряда историко-политических факторов. Инвариантные политические доминанты, действующие на протяжении многих веков, выступают не только в роли ускоряющих, но и в роли факторов, блокирующих крупные реформаторские изменения. Традиционные доминанты нередко использовались правящей элитой страны в целях политической пропаганды для идеологического обоснования уникальности японского государства, богоизбранности японской нации, легитимности полуабсолютистской модели императорской власти.

Политика, охватывая многие культурные и религиозные сферы не подменяет их, а придает им особый политический аспект. Раннее японское государство целенаправленно стремилось привить подконтрольному народу чувство общности, единую национальную идентичность. С этой целью внедрялся единый письменный китайский язык, общая система образования и религия.

Официальное принятие китайского письменного языка было политическим событием выдающегося значения в истории интеллектуального и культурного развития ранней Японии, открывшего японскому обществу новый мир знаний. В этой главе исследован длительный инкубационный период китайского письма, рассмотрены проблемы его освоения, подведены итоги первых практических результатов использования новых знаний при написании первых политических документов.

Политика государственного управления в области образования зависела от политических обстоятельств. Японская политическая элита нашла новые методы управления чиновничьим аппаратом для достижения как тактических, так и стратегических целей. Формировалась образованная политическая элита, материальное положение которой, как и её политическое влияние, статус и ресурсы власти, а также ранги, зависели от уровня образованности.

Постепенное распространение знаний на все слои населения к концу XII века привело к возникновению среднего интеллектуального класса – мияцую, стремившегося к успехам в науке и политике, который впоследствии дал Японии многих великих ученых и прогрессивных политических деятелей.

Политическое влияние танского Китая, определившего Великие Реформы Тайка, знаменует новый уровень культуры политических и дипломатических отношений. Воздействие танского Китая на Японию можно сопоставить только с Византией или Халифатом, ведь до Реформ Тайка в Японии не было даже городов. Первым городом, построенным по китайскому образцу, был город Нара (710 г.), вторым – Хэйан (794 г.), современный Киото. До Реформ Тайка не было и широкомасштабного образования. Первый университет (647 г.) был образован скорее как управление чиновниками, или государственная Школа чиновников для проведения Великих Реформ. Образование в Японии было элитным. К VIII в. сложилась образовательная инфраструктура в виде государственных Школ чиновников, школ при буддийских храмах, частных школ, домашнего образования и т.д. В результате был поднят престиж образования, а также возникла историческая традиция, связанная с представлением о политической элите и о чиновниках как о наиболее образованной части общества. Отсюда почтительное отношение современных японцев к политическим элитам и терпимость общества по отношению к власти, говорящих о том, что японская нация умеет регулировать в своем обществе потенциальные конфликты, связанные со сменой руководства и изменениями в связи с этим политического курса.

В четвертой главе рассматривается влияние конфессионального фактора на современные политические процессы, и анализируются политические процессы государственного внедрения и распространения буддизма с точки зрения

политической пропаганды его учения в массы и роли познавательной схемы буддизма в объяснении мира

Религия в современной Японии является одним из признаков национальной идентичности. Являясь частью национальной традиции народа, она пронизывает весь социум и служит гарантом политической стабильности общества. Конфессиональный фактор в настоящее время оказывает воздействие на политические процессы страны, но особый политический вес он имел в прошлом Японии.

Буддизм, пришедший в Японию в VI в. через корейское государство Пэкче из Китая и Индии, не сразу стал выполнять свою историческую миссию мировой религии с её идеей человека и универсализма. На Западе Вселенские идеи проводило христианство, на Востоке – буддизм Махаяны. Первоначально правящая политическая элита пыталась настойчиво и в течении длительного времени использовать буддизм в качестве политической идеологии, поэтому буддизм в Японии на раннем этапе относился больше к политике, чем к религии. Политика по внедрению и распространению буддизма позволяла сохранить тот облик государства, который отвечал в тот момент потребностям японской цивилизации, соответствующей самоидентификации японской нации. Поэтому храмы были органами государства, а духовенство – чиновниками духовного ведомства. Спор кланов Мононобэ, Накатоми и Сога о введении буддизма возник на религиозной основе и носил политический характер. Политическая борьба за статусы и ресурсы власти продолжалась и в процессе государственного распространения буддизма в массы. Кланов соревновались в возведении буддийских храмов. Кульминацией усилий было строительство общенациональной сети буддизма во главе с центральным храмом Тодайдзи и провинциальными храмами, рассредоточенными по всей стране. Буддийские монастыри получали от государства в дар землю, не облагаемую налогом, что позволяло им постепенно наращивать материальные богатства, а следовательно, и политический вес. К концу XII века наступил апогей расцвета буддизма, когда он окончательно проник в сознание народа и по существу уже не нуждался в особой поддержке государства и власти.

Ранняя Япония участвовала в оживленном международном обмене идей с континентальной Азией, большая часть которого с VI в. проходила под эгидой буддизма. Постепенно буддизм стал неотъемлемой частью жизни государства. Общий направляющий вектор политических процессов средневековой эпохи требовал политической пропаганды буддизма и активных действий правительства. Сама же политическая пропаганда нуждалась в методически утонченном использовании буддийских символов в качестве политических. Поэтому даже светская литература, содержащая буддийскую символику и его познавательную схему, была важным политическим ресурсом эффективного взаимодействия политических субъектов на всех уровнях системы на основе всеобщего почитания буддийских сутр.

Философских школ буддизма в период Нара было шесть: Санрон, Дзёдзицу, Хоссо или Юисики, Куся, Рицу, Кёгон; и две школы эпохи Хэйан – Тэн-

дай. Сингон Каждая школа имела свою теоретическую платформу, но религиозной вражды между ними не было. Существенная черта японской нации, в отличие от наций средневековой Европы, состояла в том, что её не раздирали религиозные распри. Политическую ценность в теоретическом плане имели три школы – Кэгон, Рицу и Сингон. Разработка Вселенской модели идеального государства школой Кэгон особенно импонировала власти. Школа Рицу утверждала дисциплинарное подчинение власти, введя всеобщий обряд посвящения. Школа Сингон помогла политической власти использовать буддизм в качестве политической идеологии в процессе слияния национальной религии синто и буддизма.

Функционирование «кокубундзи» и главного храма страны Тодайдзи увязывалось в стройную динамическую систему, подчиненную политической цели распространения буддизма среди населения, строгий порядок которой обеспечивался единым магическим ритуалом, как совокупности специальных приемов, действий и слов, оказывающих воздействие на массовое сознание общества. Государством была выстроена строгая иерархическая система буддизма, пронизывающая весь социум, как единое целое, когда буддийский магический ритуал считался священным актом, призванным поддерживать равновесие и гармонию не только в обществе, но и во всей Вселенной. Строгая иерархическая система буддизма являлась одновременно и формой символического политического мышления, и принципом иерархического понимания бытия, и методом политического структурирования общества.

В четвертом параграфе оценивается мир политического Японии и его отличие от мира политического Европы, определяется перспектива развития и роль Японии в современном мировом политическом процессе.

В заключении подводятся итоги исследования политических процессов Японии, определявшихся интеллектуальными, религиозными и культурными традициями, а также современными проблемами общества.

Политическое бытие составляет в явной или неявной форме интегральную часть жизни японского общества, неразрывно связанного со всеми аспектами человеческого существования. Иерархически-кастовый принцип формирования политических структур, эгалитарная или уравнилельная система образования, половозрастная дифференциация и неравенство, система пожизненного найма с принципом продвижения по старшинству, неформальные механизмы принятия политических решений в духе патернализма и компаративизма – все эти факторы блокируют крупные реформаторские изменения, происходящие сегодня в Японии. К благоприятным факторам относятся: законопослушность, уважительное отношение к бюрократии, пиетет в отношении власти, высокий престиж образования, приверженность к коллективным ценностям, а так же умение уживаться на маленькой территории и приходить к согласию и гармонии, создавая свой социум.

Япония стала активно участвовать в мировых политических процессах в I в н.э. Для японского государства был существенен тот факт, что в это время в Китае уже давно завершился процесс политического становления государства.

На протяжении ранней политической истории. Япония, заимствуя многое из структур китайских политических институтов, прошла в своем политическом развитии три формы государственного устройства: монархию, империю, диктатуру. В итоге исследования мы видим две грани политического процесса, в котором фокусируется весь мир политического во всей его многоаспектности, многогранности и сложности. представляющего в двух обликах Японии. Первый облик – Япония, первобытная или близкая к этому страна Ямато, имеющая родовой строй и пока лишь только оформляющаяся и создающаяся. Второй облик – Япония, как мировая держава.

Политическая картина государственного бытия представлена первыми политическими документами ранней Японии: «Кодзики», «Предписания» 17 статей Сётоку-тайси, «Великие Реформы Тайка», послужившие началом традиции письменного оформления политических идей, которая воплотилась в современной Конституции. Политические документы ранней Японии отражают процессы взаимного пересечения трех сфер единого политического пространства: политической, интеллектуальной и религиозной, фиксируют определенную фазу в развитии политической мысли Японии и степень формирования уровня политической культуры общества.

Основополагающими объектами исследования политических процессов являются государство, власть и властные отношения. Суть политического управления представлена концептуальной моделью политики на основе интеллектуальных и религиозных особенностей развития раннего государства. В центре всего японского сознания стоит верховный правитель, Император (микадо). Идея микадо, освященная синтоизмом, не исчезла из политического сознания японцев и сегодня, хотя её политическая сила значительно ослабла. Синтоизм легитимизировал власть Императора, сформировал у японцев особый взгляд на природу политического, на взаимоотношение государства и общества. Конфуцианская политическая доктрина обожествления предков, почитания родителей, беспрекословного подчинения низших высшим дала подробнейшую регламентацию поведения людей и играла роль политической морали. Буддизм на ранних этапах становления централизованного государства выполнял также и роль политической идеологии.

Качественной идентификацией политических процессов ранней Японии служит инвариантная доминанта, которая передается от поколения к поколению. Ключ к ней кроется в динамических процессах слияния самой жизни Японии с религией. Концептуальное содержание политического процесса наполняется, по образному выражению современного японского политика Ясухиро Накасонэ, «политической субстанцией», являющей собой «как бы громадное изображение Будды».³²

Понятие мира политического в Японии отличалось от мира политического Европы. Политический и религиозный опыт легко сливался в Японии с ран-

³² Накасонэ Я. Политика и жизнь. Мои мемуары: пер. с яп. под рук. Бунина В. Н. и Бунина С. В. М., 1994. С. 294-295.

них времен. Вес политической традиции способствовал ассимиляции и слиянию двух сфер: политики и религии.

Япония сегодня, продолжая свои политические традиции, стремится адаптировать свою внешнюю политику к трансформации современных мировых политических процессов. Для японской внешней политической мысли характерен поиск новых форм. Два вопроса остаются для государства политически важными: изменение Конституции и международная роль страны на мировой политической арене. Современные японские политологи Хидэо Сато (университет ООН Токио), Такаси Иногути, Кэйдзи Маэгава (У-т Цукуба), Банно Дзюндзи, Ханаи Хитоси, Масао Маруяма и другие прогнозируют возможные расхождения и потенциальные конфликты мировых политических взаимодействий. Западная цивилизация постепенно перестает играть первостепенную роль в мировых политических процессах. Усиливаются тенденции политической активности со стороны других цивилизаций, обостряются их противоречия с наиболее индустриально развитыми странами западного мира, что ведет к разнообразию политических порядков в мире. В XXI веке центр тяжести развития мировой экономики, а, следовательно, и политики, возможно, будет находиться в Тихоокеанском регионе. «Тихоокеанское кольцо», как теперь принято называть этот регион, охватывает не только Китай, Японию, страны АСЕАН и Россию, но также и ведущие экономические державы, такие как США, Канада и другие. Япония участвует в современном мировом политическом процессе, динамика которого имеет общие закономерности и тенденции движения человечества как единой многосложной целостности со всё возрастающей скоростью смены эпицентров мировых цивилизаций.

В работе представлен ряд приложений, которые использованы в качестве обобщающего, иллюстративно-наглядного и информационного материала.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Шарко М.В. Политические процессы Японии: традиции и современность (Монография). М.: Научная книга, 2004 (13,5 п.л.).
2. Шарко М.В. Истоки современной политики Японии //В сб. Вопросы истории и теории международных отношений. М.: Научная книга, 2004 (0,7 п.л.).

Подписано в печать 29.09.2004 г.
Тираж 100 экз Объем 1 усл. печ. л
Отпечатано в Дипломатической академии МИД России

№ 19085

РНБ Русский фонд

2005-4
16758